

КУРСИВ В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА

В статье по предложенным автором критериям выделения единиц курсива рассматривается 711 случаев курсива в 162 произведениях А.П. Чехова, выявленных в 13 томах академического издания писателя. Главное внимание уделяется анализу функций курсива.

Творчество А.П. Чехова всегда активно исследовалось К.И. Чуковским, И.А. Гурвичем, Г.П. Бердниковым, А.П. Чудаковым, Н.М. Фортунатовым, В.Я. Лакшиным, В.А. Гейдеко, Э.А. Полоцкой, Г.А. Бялым, В.И. Кулешовым, М.П. Громовым и др. [1]. Изучены многие аспекты его поэтики, но курсив, насколько нам известно, не был предметом рассмотрения чеховедов. Между тем самое поверхностное знакомство с произведениями Чехова обнаруживает, что писатель достаточно интенсивно применял курсив на всех этапах творчества.

Настоящая статья ставит целью дать количественный анализ и попытаться в первом приближении описать основные функции курсива. Материалом явились 13 томов академического издания Чехова [2]. В качестве фона использовались данные, полученные Л.И. Ереминой [3, 4], В.Н. Захаровым [5], М.И. Циц [7], Л.Я. Гинзбург [6] при исследовании курсива Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.С. Пушкина.

Для количественного анализа мы предлагаем собственные **критерии выделения единиц курсива**, поскольку в имеющихся работах по курсиву нет даже понятия «единица курсива» (кроме названных, см. работы Ю.М. Лотмана [8, с. 78], Ф.М. Головенченко [9, с. 172-173], И.Ю. Подгаецкой [10, с. 208-210], В.А. Заподова [11, с. 61], Н.Н. Скатова [12, с. 108], Б.Я. Бухштаба [13, с. 169], М.Д. Эльзона [14], А.Г. Костецкого [15], И.Э. Клюканова [16]). Предлагаем считать главным критерием – **формальный**, когда за единицу курсива принимается буква, слово, словосочетание или предложение, с двух сторон ограниченное прямым шрифтом: «Это составляло и составляет поднесь глубокую, непроницаемую *женскую тайну*, до которой добраться так же трудно, как заставить смеяться медведя...» («Блины», IV, 360-361).

В ряде случаев к формальному критерию добавляется **содержательный**, когда ввиду сильной тематической, логической связи слов за один случай курсива принимается выражение, прерванное малозначительными словами (обращениями, частицами, предлогами, союзами и др.), набранными прямым шрифтом: «Это ее успокоило, она уснула, но утром опять уже не было ни *да*, ни *нет*, и она думала о том...» («Три года»,

IX, 24). Если же курсивом выделены различные этапы мысли, то будем считать эти факты за разные случаи курсива: «*Русь* имеет мало общего с *Москвой*. *Русская мысль* высылается... в плотной обложке» – 3 случая курсива («Мысли читателя газет и журналов», II, 14).

Следуя вышеперечисленным критериям, мы обнаружили, что подавляющее большинство текстов с курсивом приходится у Чехова на прозу – 707 случаев в 160 произведениях. В драмах эта цифра незначительна – 4 случая в 2 произведениях («Леший», «Юбилей»), причем в речах героев. В связи с этим в данной статье наше внимание будет сосредоточено на курсивах, используемых в прозе (юморесках, рассказах, повестях) писателя.

Объем курсива у Чехова колеблется от одной буквы до целых предложений. Буква – это самая мелкая единица письменной речи, способная выделиться курсивом: «Я спрашиваю тебе... я тебе спрашиваю, отчего ты не платишь недоимку?» («Мужики», IX, 303). К единицам курсива, малым по объему, относится также морфема: «Вчера Перхоткина без обеда за *ого* в слове *золотого* оставил...» («В Париж!», V, 46). Факты выделения курсивом предложений представляют собой максимальное проявление приема в прозе Чехова: «Не отказывайте в пятаке на ночлег... (*Последние строки зачеркнуты, но разобрать их все-таки удалось.*) Не помню, как рассвело и началось утро...» («Нытье», V, 340). В целом, Чехов выделяет курсивом самые различные единицы по объему (буквы, морфемы, слова, словосочетания, предложения).

Далее обратимся к анализу **роли** (функций) курсива. В произведениях Чехова мы выделили 11 различных функций. Рассмотрим их подробнее.

1. Самое значительное место в прозе Чехова занимает курсив с функцией **обнаружения перечисляемых или рассматриваемых предметов** (31% случаев), когда в небольшом текстовом пространстве предметы, представляющие объект внимания автора, маркируются. В результате, приступая к прочтению, читатель легко обнаруживает то, о чем пойдет речь. К примеру, в юмореске «Краткая анатомия человека» Чехов подчеркивает элементы, составляю-

щие человека: «Скелет, или, как говорят фельдшера и классные дамы, «шкилет». Имеет вид смерти. Покрытый простынею, «пужает на смерть», без простыни же – не насмерть. Голова имеется у всякого, но не всякому нужна... Лицо... Лоб... Глаза...» (II, 199-200). В «Домашних средствах» выделяются средства: «От блох. Женись. Все твои блохи перейдут на жену... От моли... От ячменя на глазу... От безденежья...» (IV, 185-186). В юмореске «К сведению мужей» маркируются способы покорения чужих жен: «...старый способ, известный добродетельным людям по романам... Способ кузенов... Способ по теории нищей братии...» (IV, 300, 302). Курсивы с вышеназванной функцией встречаем также в «Темпераментах», «Каникулярных работах институтки Наденьки N», «И то и се (Письма и телеграммы)», «К характеристике народов», «Рыбьем деле», «Литературной табели о рангах» и др. Нами подмечено, что курсивное выделение с функцией обнаружения перечисляемых или рассматриваемых предметов реализуется только в юморесках и мелких пародиях в ранний период творчества Чехова.

2. В.Н. Захаров в работе «Слово и курсив в «Преступлении и наказании»» отметил функцию «условного понятия» применительно к курсивам из романа Достоевского. Она заключается в выделении слов, лишенных определенных значений, «понятий-табу», «понятий символизированных» [5, с. 21-22]. Преимущественно это маркирование местоимений. Вслед за В.Н. Захаровым на подобную функцию было обращено внимание Л.И. Ереминой и М.И. Циц на материале произведений Толстого и Достоевского. В терминологии Л.И. Ереминой эта функция обозначена как «запрет на слово», а М.И. Циц воспользовалась выражением В.Н. Захарова. Показательно то, что эти исследователи под данной функцией курсива подразумевают одно и то же: намеренное подчеркивание недосказанности, неназванности, неопределенности. Выделенные таким образом слова содержат намек на различные предметы, лица. Это неназывание условно. Как правило, «условное понятие» разгадывается в процессе чтения и осмысления текста. В настоящей статье при классификации функций курсива мы считаем возможным использовать термин В.Н. Захарова.

Чехов, как Достоевский и Толстой, применял курсивное выделение в подобной роли. Нами было обнаружено, что в прозе Чехова функция «условного понятия» достаточно распространена: она встречается в 23% случаев курсива. В конкретных произведениях эта фун-

кция проявляется по-разному. Так, с функцией «условного понятия» тесно связана функция выделения внутрифразового ударения. К примеру: «За что и когда он полюбил ее?» («Цветы запоздалые», I, 413); «Приданое бери обязательно до свадьбы» («Руководство для желающих жениться», IV, 198); «...она жестока, мелочна и со своим мещанским умом никогда не возвышалась до понимания того, что я говорю и что я делаю» («Жена», VII, 468) и др. Подобные случаи, когда «эмоционально окрашенное слово, несущее основное ударение, составляющее экспрессивный и коммуникативный центр внешней, звучащей диалогической речи, неизбежно выделяется графически», рассматривает Л.И. Еремина у Л. Толстого [3, с. 28].

В «Картинках из недавнего прошлого» курсив выделяет местоимение, с помощью которого Чехов намекает на некое лицо: «Он так устроил, что Кичкину понадобилось из города уехать...» (III, 129). Из примечаний А.С. Мелковой становится понятно, что под словом «он» имеется в виду И.Г. Рыков, директор банка, с которым связано сенсационное судебное дело в 1884 г. (см. III, 564-565).

Иногда маркирование неопределенного лица предваряет его появление. Например, в «Неприятной истории» Жирков едет к любимой женщине. До некоторых пор она предстанет перед нами просто как Надя. Затем Чехов применяет курсив: «Его поездка к ней из города на дачу, в глубокую ночь и под проливным дождем, казалась ему забавным приключением...» (VI, 242). И только после рассказчик проясняет, кто же эта женщина. Или, к примеру, в самом начале повести «Палата №6» появляется предложение, в котором курсивом выделяется слово с неясным значением: «Принадлежит он к числу тех простодушных, положительных, исполнительных и тупых людей, которые больше всего на свете любят порядок и потому убеждены, что их надо бить» (VIII, 72). Неопределенность обостряется за счет того, что к этому моменту еще непонятно, кто будет основными героями повести. Но уже на следующей же странице выясняется: под словом «их» подразумевались сумасшедшие. Таким образом, в этих случаях Чехов использует курсив для того, чтобы акцентировать внимание читателя на неизвестных лицах, которые впоследствии проявят себя как ключевые персонажи в развитии сюжета.

В некоторых произведениях курсив, выполняя функцию «условного понятия», осложняется дополнительной функцией маркирования

способа обращения: «Аким говорил своему брату *вы* и в прощенные дни со всем своим семейством кланялся ему в ноги» («Бабье царство», VIII, 262). Такие же случаи имеются в произведениях «Ты и вы», «Несчастье», «Заказ» и др. В повести «Моя жизнь» есть два выделенных обращения: «...работал, как они, в одной жилетке и в опорках, и что мне говорили *ты* – это было ново для нее и трогало ее» (IX, 236); «со мною вежливы, говорят мне *вы*, и в домах, где я работаю, меня угощают чаем...» (IX, 279). Главный герой повести – Мисаил Полознев, сын уважаемого дворянина, уходит из дома заниматься физическим трудом, чтобы добиться социальной гармонии. Сначала он работал у подрядчика Редьки наравне со всеми мастерами, и к нему обращались на «*ты*» (глава IX). Потом, когда он сам стал подрядчиком (глава XX), ему стали говорить «*вы*». Подчеркивая различные способы обращения, рассказчик делает акцент на своем профессиональном росте. Следовательно, курсив в данных случаях служит также средством обозначения динамики в характеристике героя-рассказчика.

Встречаются факты, в которых курсив выполняет функцию «условного понятия» и одновременно дополняется более частной функцией неясности, например: «ей досадно было, что она не около ликующего Мишутки и что ей нельзя *почему-то* сейчас же расцеловать его» («Живой товар», I, 373). То же самое находим в «Драме на охоте» (III, 337), «Учителе словесности» (VIII, 321), «Расстройстве компенсации» (X, 230) и др. В отдельных случаях происходит дополнение функцией умолчания: «Не знаю, что и делать... Каждый день вас беспокою, и т. д.» («Филантроп», II, 85); «Максим! Поезжай, братец, к экзектору и т. д.» («Лист», II, 111).

Функция «условного понятия» у Чехова может быть дополнена функцией выделения условных пространственно-временных форм: «...и явится ко мне в дом, как обещал я ей, *навсегда*» («Драма на охоте», III, 332, а также 326, 368); «Они говорят, что ты ведьма, и приказали мне привести тебя *туда*...» («Грешник из Толедо», I, 112); «Я, бывало, *там* в эту ночь всегда в семье разговлялся» («Вор», II, 107) и др. В этих случаях следует говорить о косвенной характеристике времени и пространства.

3. Однако функция выделения пространственно-временных форм проявляется не только как дополнительная, но и как основная с прямой характеристикой – в 8% случаев. Подобную функцию курсива мы подробно рассматривали на материале поэзии Н.А. Некрасова

[17]. У Чехова пространство маркируется лишь один раз в рассказе «Ванька»: «Подумав немного, он умокнул перо и написал адрес: *На деревню дедушке*» (V, 481). Это одна из знаменитых фраз, ставшая афоризмом. Курсив здесь способствует обозначению неопределенности. Пространство как таковое отсутствует, оно есть только в сознании мальчика, что и вызывает комический эффект. В других фактах курсив выполняет функцию, связанную с обнаружением временной последовательности, когда шрифтом маркируется последовательность: а) возрастная («*Детство*. Кого бог дал, сына или дочь? Крестить скоро?.. *Отрочество*... *Юношество*...»); «*Жизнь в вопросах и восклицаниях*», I, 130-132); в приведенных курсивных выделениях мы наблюдаем также отсылку к известной толстовской триаде; б) числа и месяца («*3 марта*. Весенний прилет птиц уже начался: вчера видел воробьев... *14 марта*... *22 марта*...»); «*Отрывок*», VIII, 35-36); в) года, месяца и числа («*1863 г. Май, 11*. Наш шестидесятилетний бухгалтер Глоткин пил молоко с коньяком... *1865 г. Август, 3*... *1867 г. Июнь, 30*...»); «Из дневника помощника бухгалтера», II, 156-157). Подобная функция встречается также в следующих произведениях: «*Двадцать шесть*», «*Юристка*», «*Из дневника одной девицы*», «*Много бумаги*».

4. Далее рассмотрим курсив с функцией характеристики персонажей, предметов и явлений (14% случаев). Это может быть характеристика персонажа с точки зрения его внутреннего и внешнего облика, состояний и действий, существенных в том или ином эпизоде. К примеру: «Я был *щенком*, когда родился, *гусем лапчатым*, когда вступил в жизнь...» («Несколько мыслей о душе», II, 372); «Она *не хотела*, чтоб убийца понес кару...» («Драма на охоте», III, 380); «...одноглазый Кузьма найден в своей постели *мертвым*» («Драма на охоте», III, 399); «...все эти дни она была против ухаживаний Ильина, но что-то ее *тянуло* идти объясниться с ним...» («Несчастье», V, 252) и др. Иногда функция характеристики персонажей сочетается с функцией выражения отношения, как правило, юмористического плана: «Лучше их никто не сумеет *нагреть место*» («Не тлетворные мысли», III, 195). Курсив служит также для выделения характеристик различных предметов и явлений с точки зрения их количества, качества, оценки: «...на каждые *сто* писем приходится: *семьдесят два* таких, которые пишутся зря...» («Статистика», V, 350); «Есть таланты писательские, сценические, художнические, у него же особый талант – *человеческий*» («Припадок», VII, 216);

«...каждая из этих могучих, стихийных страниц создана *недаром...*» («Письмо», VII, 512) и др.

5. Специфичность такой функции, как **маркирование драматических элементов** (7% случаев), заключается в том, что, во-первых, в рассказах и юморесках с помощью курсива Чехов вводит реплики героев, персонажей. Например, когда в речь одного героя внедряются короткие реплики других персонажей: «Женщина по Шекспиру ничтожество, а по-моему она – все! (*Крики: довольно! садитесь!*) Без нее мир был бы то же, что скрипач без скрипки...» («Женский гост», III, 203). В юмореске «Мнения по поводу шляпной катастрофы», написанной по случаю официальной отмены обычая, по которому русские зрительницы не снимали головных уборов во время театральных представлений (см. примеч. М.П. Громова, IV, 489), при помощи курсива подчеркиваются те персонажи, высказывания которых последуют далее: «*Дочери бедных, но благородных родителей. И отлично! По крайности и я теперь буду ходить в театр. Никто не заметит, что у меня нет шляпки. Моей тещи. Я вдова статского советника! Не позволю!...*» (IV, 155). Во-вторых, к функции маркирования драматических элементов Чехов обращается для выделения авторских указаний на дальнейший пропуск какого-то отрывка из повествования рассказчика по той или иной причине либо для выделения авторских указаний, кратко характеризующих опускаемый эпизод текста: «Он у нас воротила и может каждую минуту спихнуть с места... *Редактор, найдя, что рассказ несколько длинен, вычеркнул, в ущерб авторскому дивиденду, на этом самом месте восемьдесят три строки.*» («Исповедь», II, 28); «Магнитная стрелка показывала NWW (*следует скучнейшее описание куба и 18 аэростатов*)...» («Летающие острова», I, 211-212). В рассказе «Весной» курсивом подчеркивается собственно ремарка [18]: «Теперь вам понятно, во что мне обходится счастье. (*Задирает вверх хвост и с достоинством шествует дальше.*)» (VI, 147). Курсивы с подобной функцией находим и в «Современных молитвах», «Граче», «Нытье», «Драме» (1887) и в подборке «Из записной книжки Ивана Иваныча». Как известно, во второй половине XIX в., особенно на рубеже XIX-XX вв., отечественная драма переживает своеобразный подъем в своем развитии. Именно во второй половине XIX в. в драматургии «роль ремарки возросла в связи с усилившимся интересом к быту и нюансам психологии» [18]. Следовательно, можно с большей долей уверенности говорить о влиянии драмы

на прозу Чехова и о «перенесении» некоторых драматических элементов в прозаические произведения.

6. В 5% случаев курсив выполняет функцию **выделения подписи**. Это происходит при подчеркивании авторских псевдонимов: «*Сообщил Антоша Чехонте*» («Задачи сумасшедшего математика», I, 125); «С подлинным верно: *Человек без селезенки*» («Ярмарочное «итого», III, 45) и др. Сюда же отнесем выделение подписи персонажей: «Член Общества драматических писателей и оперных композиторов *Акакий Тарантулов*» («Вынужденное заявление», VII, 250) и т. д. Чаще всего такие курсивы находятся в конце произведения, тем самым раскрывается имя рассказчика. Но иногда подчеркивание подписи можно встретить внутри текста: «...Убита Ольга. Я потерял голову и сейчас сойду с ума. Твой *А.К.*» («Драма на охоте», III, 368).

7. К предыдущей функции курсива близка функция **маркирования** разного рода **названий и имен собственных** (3% случаев), в частности, в юмореске «Дополнительные вопросы к личным картам статистической переписи...»: «Какой фельетонист вам более по душе? *Суворин? Буква? Амикус?...*» (I, 116). М.П. Громов отмечает, что «*Буква* – псевдоним редактора «Стрелкозы» И.Ф. Василевского... *Амикус* – псевдоним П.А. Монтеверде, фельетониста «С.-Петербургских ведомостей» и «Петербургской газеты» (см. примеч., V, 572). Или, скажем, в юмореске «Мысли читателя газет и журналов»: «Не читайте *Уфимских губернских ведомостей*: из них вы не почерпнете никаких сведений об Уфимской губернии» (II, 14).

8. **Выделение курсивом «чужого слова»** отмечается практически всеми учеными у всех писателей. У Чехова оно занимает скромное место – 3% случаев. Мы обнаружили, что с помощью курсива писатель подчеркивает следующие виды «чужого слова»: а) иноязычные слова и выражения («Доктора, когда хотят казаться умными и красноречивыми, употребляют два латинские выражения: *nomina sunt odiosa* и *ultima ratio*»; «Интриги», VI, 362); б) автоцитаты персонажей (термин В.А. Западава) [19] («Подсмеивались... над Пекарским, у которого будто бы в расходной книжке была одна страничка с заголовком: *На дела благотворительности* и другая – *На физиологические потребности*»; «Рассказ неизвестного человека», VIII, 149); в) «внутренние» цитаты (наш термин), когда в повествовании рассказчика или героя слышится и выделяется курсивом фраза, заимствованная из речи другого персонажа («...три

четверти из вас – мои младшие коллеги, и все вы величаете меня *старым* сотрудником»; «Гост прозаиков», III, 201); г) реминисценции: «...эти люди несчастны потому, что *отъянели от реализма...*», «...червонные валеты есть не что иное, как представители *крайнего материализма...*» («Письмо в редакцию», I, 485). М.П. Громов в примечаниях сравнивает текст статьи Н.К. Михайловского «Забытая азбука» и пародию Чехова (I, 599-600), откуда видно, что маркированные словосочетания у Чехова являются заимствованными из статьи Михайловского. С подобным цитированием мы встречаемся и в юмореске «Несколько мыслей о душе»: «Выбившись, наконец, на настоящую дорогу, я приобрел брюшко и стал *торжествующей свиньей*» (II, 372). В примечаниях Л.М. Долотова объясняет, что «образ восходит к драматической сцене Салтыкова «Торжествующая свинья, или Разговор свиньи с правдою», включенной им в гл. VI цикла «За рубежом» (II, 550).

9. Следующая функция – это маркирование **букв и их сочетаний** (3% случаев): «...раскрывая рот широко и кругло, как буква *о...*» («Моя жизнь», IX, 234); «...пора уже считать их за один месяц, тем более, что оба они начинаются с *ию*, стоят в календаре рядышком...» («О марте. Об апреле. О мае. Об июне и июле. Об августе», III, 192); «Время стерло частицу *не* и исправило человеческую ложь» («На кладбище», III, 76).

В 1885 г. вышла работа Я.К. Грота «Русское правописание», где он сохранил написание букв *ять*, *фиты*, *ижицы* и *і*. Чехов писал М.Е. Чехову: «Если б от меня зависело, я упразднил бы и *ять*, и *фиту* (дурацкая буква!), и *ижицу*, и *і...*». Э.А. Полоцкая указывает, что в «Правилах для начинающих авторов», «Мыслителе» и «Розовом чулке» Чехов высмеял употребление буквы **ь** (об этом см. примеч., V, 617, 618). Именно в 1885-1886 гг. у Чехова появляются рассказы «Мыслитель», «В Париж!», «Розовый чулок», «Любовь», «Дама с собачкой», в которых курсив выделяет различные языковые единицы, благодаря чему автор проводит полемику с Я.К. Гротом: «Я взял и написал *лекарь* с *е*. Выполнил...» («Мыслитель», IV, 72); «...имена прилагательные в родительном падеже единственного числа мужского рода имеют не *аго*, а *ого...*» («В Париж!», V, 46); «Земля пишется не через *ять*, а через *е!*» («Розовый чулок», V, 261); «Она много читала, не писала в письмах **ь...**» («Дама с собачкой», X, 128) и др.

10. Здесь же стоит отметить и такую функцию курсива, как **функция речевой характеристики** (2% случаев), которая заключается в вы-

делении каких-либо особенностей произношения персонажами: «...шепчет приторно до... до отвращения, как-то французисто выговаривая буквы *г*, *н* и *р...*» («В вагоне», I, 88); «–Знаешь что, Мифа? –спросил он, произнося в нос вместо *ш* - *ф...*» («Актерская гибель», IV, 349); «– О, благодарю вас! – сказал он, делая ударение на *о*, и прижимая левую руку к сердцу» («Учитель», V, 220); «– Ну, начинается музыка! – проговорил Ягич, делая ударение на *зы*» («Володя большой и Володя маленький», VIII, 222); «Говорили они на *о*, *г* произносили как латинское *g*; оттого, что почти через каждые два слова они употребляли *с...*» («Три года», IX, 34).

11. Очень редко встречается у Чехова курсив с функцией **прогнозирования сюжета** (1% случаев). Так, к примеру, рассказ «Персона» начинается с объявления, где применяется два курсива: «*Вакансия* на должность писца... обращаться письменно с приложением *своего жизнеописания...*» (IV, 365). Дальнейшее повествование теснейшим образом связано с выделенными словами: объявленная *вакансия* на протяжении всего рассказа волнует героя Мишу, а *жизнеописание*, которое ему надо было написать, занимало все его мысли до тех пор, пока не узнал, что *вакансия* занята. В «Рассказе старшего садовника» в первом же высказывании садовника Михаила Карловича употребляется два курсива: «...если судьи и присяжные более верят *человеку*, чем уликам, вещественным доказательствам и речам, то разве эта *вера в человека* сама по себе не выше всяких житейских соображений?» (VIII, 343). Затем мысль о вере в человека садовник разовьет в «легенде», рассказанной когда-то его бабушкой.

Проведенное исследование курсива в прозе А.П. Чехова позволяет сделать следующие выводы. Для обозначения единиц курсива нами был выделен главный критерий – формальный и дополнительный критерий – содержательный, на основании которых мы выявили у Чехова 711 случаев курсива в 162 произведениях; в подавляющем большинстве – 707 фактов в 160 текстах – курсив встречается в чеховской прозе (юморесках, рассказах, повестях). С точки зрения диахронии на ранний период творчества писателя (1880-1885 гг.) приходится 69% случаев курсива в 19% произведений. Однако в годы популярности и высшего творческого расцвета (1886-1903 гг.) доля курсива снижается – 31% случаев, а количество произведений с этим приемом резко возрастает – 81%. Это говорит о том, что в позднем творчестве Чехов обращается к

курсиву чаще, но в каждом конкретном произведении – более сдержанно, значит, на курсив начала падать большая семантическая нагрузка. При этом курсив используется как в «проходящих» произведениях («Месть», «Рыбье дело», «Ты и вы» и др.), так и в шедеврах («Скучная история», «Попрыгунья», «Дама с собачкой» и др.) Чехова. По объему курсив писателя выделяет самые различные единицы: буквы, морфемы, слова, словосочетания и отдельные предложения. Осмысление роли курсива в произведениях Чехова позволило отметить 11 групп функций: а) обнаружения перечисляемых или рассматриваемых предметов, б) «условного понятия», которая дополняется функциями выделения внутрифразового ударения, намек на некое лицо, предварения появления этого лица, маркирования способа обращения, обозначения динамики в характеристике героя-рассказчика, неясности, умолчания, в) выделения пространственно-временных форм, г) характеристики персонажей, предметов и явлений, иногда в сочетании с функцией выражения отношения, д) маркирования драматических элементов, е) выделения подписи, ж) маркирования разного рода названий и имен собственных, з) выделения «чужого слова», и) маркирования букв и их сочетаний, к) речевой характеристики, л) прогнозирования сюжета. Стоит также

отметить, что такие функции курсива, как обнаружение перечисляемых или рассматриваемых предметов, выделение временных форм, подписи и «чужого слова», маркирование драматических элементов и разного рода названий, имен собственных, характерны, как правило, для юморесок, мелких пародийных произведений. Остальные функции встречаются в рассказах и повестях. Конечно, сопоставление функций курсива в прозе Чехова и в прозе Толстого, Достоевского требует специальной работы, детального рассмотрения, тем не менее уже сейчас можно сказать, что четыре функции («условного понятия», выделения «чужого слова», характеристики персонажей, предметов и явлений, прогнозирования сюжета) являются общими для всех трех писателей. Своеобразие чеховской манеры, в отличие от сравниваемых, заключается в употреблении курсива с семью другими функциями.

Таким образом, Чехов проявил себя как писатель, активно разрабатывавший данный графический прием и оригинально использовавший его выразительные возможности. Обращение крупнейших писателей – Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова – к курсиву свидетельствует о том, что рассмотренное средство графики – одно из ярких проявлений поэтики русской прозы последней трети XIX века.

Список использованной литературы:

1. Чуковский К.И. О Чехове. – М., 1967; Гурвич И.А. Проза Чехова. Человек и действительность. – М., 1970; Бердников Г.П. А.П. Чехов: Идеи и творческие искания. – Л., 1970; Чудаков А.П. Поэтика Чехова. – М., 1971; Фортунатов Н.М. Архитектоника чеховской новеллы. – Горький, 1975; Лакшин В.Я. Толстой и Чехов. – М., 1975; Гейдеко В.А. Чехов и Ив. Бунин. – М., 1976; Полоцкая Э.А. А.П. Чехов. Движение художественной мысли. – М., 1979; Бялый Г.А. Чехов и русский реализм. – М., 1982; Кулешов В.И. Жизнь и творчество А.П. Чехова. – М., 1986; Громов М.П. Чехов. – М., 1993. См. также сборники: В творческой лаборатории Чехова. – М., 1974; Чехов и Лев Толстой. – М., 1980; Сборники А.П. Чехова: Межвуз. сб. – Л., 1990 и др.
2. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 тт. Т. 1-13. – М., 1974-1978. Далее произведения А.П. Чехова цитируются по этому изданию с указанием тома (первая цифра) и страницы (вторая цифра).
3. Еремина Л.И. Графические средства в художественной системе Льва Толстого // Вопросы языкознания. – 1978. – №5. – С. 25-35.
4. Еремина Л.И. Графика как средство изобразительности в произведениях Л.Н. Толстого // Очерки по стилистике художественной речи. – М., 1979. – С. 77-113.
5. Захаров В.Н. Слово и курсив в «Преступлении и наказании» // Русская речь. – 1979. – № 4. – С. 21-27.
6. Гинзбург Л. Об одном пушкинском курсиве // Гинзбург Л. О старом и новом. Статьи и очерки. – Л., 1982. – С. 153-156.
7. Циц М.И. Сюжетно-композиционные функции курсива в «Кроткой» Ф.М. Достоевского // Жанр и композиция литературного произведения. – Петрозаводск, 1988. – С. 103-109.
8. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – СПб., 2001.
9. Головенченко Ф.М. О сатире Н.А. Некрасова // Некрасов в школе. Сб. статей. – М., 1960.
10. Подгаецкая И.Ю. «Свое» и «чужое» в поэтическом стиле. Жуковский-Лермонтов-Гюгчев // Смена литературных стилей. На материале русской литературы XIX-XX вв. – М., 1974. – С. 201-250.
11. Западков В.А. Функции цитат в художественной системе «Горя от ума» // А.С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. – Л., 1977. – С. 61-72.
12. Скатов Н.Н. «Я лиру посвятил народу своему...». О творчестве Н.А. Некрасова. – М., 1985.
13. Бухштаб Б.Я. Н.А. Некрасов. Проблемы творчества. – Л., 1989.
14. Эльзон М.Д. О курсиве и кавычках у Некрасова // Некрасовский сборник. Т. XI-XII. – СПб., 1998. – С.142-144.
15. Костецкий А.Г. Содержательные функции поэтической графики: Дис. ...канд. филол. наук. Киев, 1974.
16. Ключанов И.Э. Структура и функционирование параграфемных элементов текста: Дис. ...канд. филол. наук. Калинин, 1983.
17. Борисова И.М. Курсив Н.А. Некрасова как средство маркирования пространственно-временных форм // Пространство и время в художественном произведении: Сб. науч. статей. - Оренбург, 2002. – С. 199-204.
18. «Ремарка – указание автора в тексте пьесы (обычно в скобках) на поступки героев, их жесты, мимику, интонацию, на психологический смысл их высказываний, на темп речи и паузы, на обстановку действия». См.: Хализев В.И. Ремарка // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М., 2001. – Стб. 870.
19. Западков В.А. Функции цитат в художественной системе «Горя от ума» // А.С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. – Л., 1977. – С. 61-72.